

und Bibliotheken aufbewahrt werden, sind ebenfalls genannt worden.

Seitens des Rezensenten sei dem Verfasser dieses prächtigen Werkes eine kleine Bemerkung gemacht. Im Englischen benutzt er die Ethnonyme *Cheremis*, *Zyryen*, *Votjak*, *Ostyak*, *Vogul* usw. anstatt *Mari*, *Komi*, *Udmurt*, *Chanty*, *Mansi*, die jetzt in der Finnougristik allgemeiner geworden sind. Da das Thema der Forschung die

<https://doi.org/10.3176/lu.1987.1.11>

О. Б. Ткаченко, *Мерянский язык*, Киев, «Наукова думка», 1985. 208 с.

Украинский лингвист О. Б. Ткаченко предпринял большую и нужную попытку — восстановить один из исчезнувших финно-угорских языков во всех аспектах (фонетика, грамматика, лексика). Значение этой работы трудно переоценить, в частности для финно-угроведения. Теперь в распоряжении исследователей имеется обобщающий труд по языку мерян, проживавших когда-то на территории между вепскими и волжскими племенами. Монография открыла новые перспективы для изучения места этого языка в финно-угорской языковой семье, а также его контактов с прибалтийско-финскими и другими языками. Кроме того, она может служить методической моделью при восстановлении финно-угорских наречий и языков, со временем исчезнувших (например, вепские говоры прошлого в нынешней Вологодской области). Надеемся, что она будет способствовать также решению проблемы о предполагаемых мерянских топонимах (*Шокша* и др.).

О. Б. Ткаченко провел кропотливый анализ всего известного до сих пор материала по мерянскому языку, содержащего преимущественно в топонимии и наречиях русского языка на территории, где когда-то говорили по-мерянски. Особенно ценен привлеченный им русский диалектный материал, так как при рассмотрении географических названий установление первоначального значения топонимов часто весьма затруднительно. Но и с вкраплениями в русский язык не все еще ясно, как справедливо признает и автор (с. 15). Итак, не весь материал, рассмотренный в монографии, является бесспорно мерянским, но имеет большую или меньшую вероятность относиться к нему.

Период от 1828 до 1918 года охватывает, можно сказать, архаизм, который, возможно, перечислен.

В заключение следует отметить, что профессор Микко Корхонен является исключительно компетентным и обзорным исследователем, который написал для всех финноугористов незаменимое учебное пособие.

PAUL ARISTE (Tartu)

Во введении автор представляет исчерпывающие данные о бывшей локализации мери, упоминаниях о ней в исторических источниках, попытках деэтимологизации этнонима *меря* и т. д. Он справедливо считает все предпринятые попытки выяснения происхождения названного этнонима безуспешными. В этой связи можно добавить, что практически одновременно с рецензируемым трудом вышла в свет книга Ф. И. Гордеева «Историческое развитие лексики марийского языка» (Иошкар-Ола 1985), в которой *меря* связано с балтийскими топонимами (с. 95).

О. Б. Ткаченко убедительно доказал, что меря была поглощена восточнославянскими племенами не в X—XI вв., а значительно позже. Однако о существовании мерян еще в начале XVIII в. он не предполагает вескими аргументами: административная единица «Мерский стан» может и не служить доказательством, поскольку топонимы могут дольше жить, нежели носители языка.

Для восстановления фонологической системы мерянского языка О. Б. Ткаченко обоснованно изучал кроме русской диалектной лексики и ономастики предположительно мерянского происхождения также русские диалектизмы на бывшей территории мерян. Автором проведен анализ фонетических явлений, получены интересные данные и сделаны существенные выводы. В частности, убедительно реконструирован консонантизм мерянского языка, например, развитие $k, p, t > g, b, d > \gamma, \beta, \delta$, пройденное также прибалтийско-финскими языками (с. 66); показано наличие сильнопалатальных, полувзвонных, $h < *š$ и т. д. Приведено много убедительных примеров. Хотелось только отметить, что привлечение для сравнения иностран-

ных слов типа *берслет* 'браслет' (с. 22), проникших в русский язык в постмерянский период, нельзя считать безупречным. Больше можно было бы использовать для сравнения примеры из соседнего вепского языка, например, при рассмотрении мерянского ротацизма (с. 35; ср. вепсЮ *svarb* 'свадьба' русского происхождения), при восстановлении β (ср. вепс. *bembel* 'дуга' и др.), при мер. *šakša* 'сор, мусор; грязь' (с. 66; ср. вепс. *šakšud*, а также люд. *šakšu* 'выжимки, остатки после выжимания сока, масла').

Намного сложнее восстановить вокализм мерянского языка, поскольку он менее устойчив. Автору монографии все же удалось в общих чертах состав гласных реконструировать правильно. Можно отметить, однако, что, по нашему мнению, автор слишком уверенно связывает вторичные изменения гласных ($u < *o$, $o < *a$) с периодом существования мерянского языка. По крайней мере, некоторые из них могли возникнуть в самом русском языке, а часть объяснима неточностью перцепции.

Еще недостаточно материала о звуках $\hat{a}$ и $\hat{e}$ в мерянском языке. О них свидетельствует только оканье с редукцией (с. 39). О. Б. Ткаченко утверждает, что на существование данных звуков указывает и монотонность конца русских диалектизмов (= окончание *-a*). В качестве примеров в основном приведены названия рек. Однако известно, как и автор отмечает, что в русском языке большей частью они вторично стали словами женского рода. Представлено также два русских апеллиатива предполагаемо мерянского происхождения, но из них *ведьма* 'перемет' мог ассоциироваться с однозвучным *ведьма* 'колдун', а *вяха* 'немного, пустяк' сопоставлено с эст. *vāhe* 'мало', в котором гласный второго слога восходит к $*\hat{a}$ (ср. фин. *vāhän*).

Особый интерес представляет обобщающий вывод автора, что «отличаясь своеобразием, мерянская фонетика в то же время предстает как связующее звено между мордовскими и марийским языками, с одной стороны, и прибалтийско-финскими, с другой, хотя в целом у нее больше связей с волжско-финскими, чем с прибалтийско-финскими языками» (с. 93). О мерянском языке как связующем звене между волжской и прибалтийско-финской группами языков свидетельствуют также его грамматика и лексика.

Большую и кропотливую работу проделал О. Б. Ткаченко и по восстановлению морфологии мерянского языка. Благодаря этому, мы имеем общее представление о грамматической системе этого языка, хотя из-за малой сохранности материала сведения во многом еще фрагментарны и иногда спорны. Убедительно реконструированы окончания генитива, иллатива, номинатива множественного числа, наличие партитива и т. д. В результате сравнения с прибалтийско-финскими и мордовскими языками восстановлена парадигма падежей. Кроме имени, по мере возможности, рассмотрены и другие части речи, путем умелого использования материала реконструированы некоторые прилагательные, числительные, глаголы и др. Особенную ценность представляет восстановление мерянской глагольной системы.

Некоторые сомнения возникают в связи с причислением *-n* в *Neron* 'Галицкое озеро' к признакам генитива (с. 96). Судя по топонимам Русского Севера, обычно здесь используется номинатив. Может быть, *-n* связан с суффиксом прилагательного (ср. прибалт.-ф. *-ne*, морд. *-né*, мар. *-n*). При восстановлении вокатива в мерянском (с. 97) автор, по нашему мнению, напрасно отрицает мнение Б. А. Семеновича о тюркском происхождении этого же падежа в мордовском языке. Наверно, О. Б. Ткаченко преувеличивает роль урских языков в развитии мерянского (с. 101, 129). Предполагаемая общность частично объясняется финно-угорским наследием, частично автором книги упущены из виду параллели из других родственных языков. Так, при рассмотрении окончания номинатива множественного числа $*-k$ (с. 97) не упомянута гипотеза происхождения эстЮ $? < *k$, при сопоставлении *пригородь* (с. 117) отсутствуют эст. *tuttav*, вепс. *tut(t)ab* 'знакомый' и др. К свидетельству о тесных контактах меры с предками угров автор причисляет союз *pa 'и'*, восстановленный им на основе выражения *елусь поелусь* (с. 123). Если в нем действительно содержится союз, то при анализе следовало бы учитывать также чув. *-na/-ne 'и'*.

Рецензент не уверен, что в основе $*wōlē$ 'быть' анлаутный j - возник в мерянском языке (с. 112—113). Автор утверждает, что он встречается также в утвердительных формах глагола, однако $*jōi$

'есть' восстановлено на основе русского *сиень*, где не исключено, что *j-* появился под влиянием предшествующего *i*.

Рассуждения по поводу *ульшил* 'умер' и *ульшага* 'умерший', на наш взгляд, не убедительны, поскольку эти слова связаны не с ф.-у. *wolę 'быть', а с тюркским материалом, ср. *öl-~ül-* 'умирать' (Э. В. Севортян, *Этимологический словарь тюркских языков*, Москва 1974, с. 526). Таким образом, в изучаемой О. Б. Ткаченко русской лексике и т. д. предполагаемо мерянского происхождения не раз встречаются тюркские элементы. По-видимому, не все из них связаны с мерянским языком. Особенно осторожно следует привлекать аргоизмы, имеющие нередко довольно дальние связи.

О. Б. Ткаченко не учитывает, что инфинитив эстонского языка на *-ma* возник из **mahan/-mähän* и с номинальным суффиксом прямо не связывается (ср. с. 121—122). Там же необоснованно отмечено, что в последней роли *-ma* не встречается (ср., однако, эст. *sõõt* 'еда', *kandam* 'ноша' и др.).

Содержательна глава о лексике мерянского языка. Здесь представлены методика установления мерянской лексики и объективные трудности, связанные с ним. Следуют этимологии предполагаемых мерянских слов, позволяющие дать общую предварительную характеристику лексики изучаемого языка. Затем приведен этимолого-лексикологический анализ, причем вначале даются тематические группы лексики независимо от ее происхождения, затем слова рассмотрены на основе их происхождения. Автором установлено, что из 68 проанализированных корневых мерянских слов финно-угорского (и уральского) происхождения с прибалтийско-финскими языками сопоставляются 52 слова (76,5%), с мордовскими — 48 (70,6%), с марийским — 38 (55,9%), с пермскими — 36 (51,5%) и т. д. Кроме них, автор выявил болгарские, балтийские, греческое, праславянские и русские заимствования. О. Б. Ткаченко в своей монографии представил ряд замечательных этимологий на базе русских диалектизмов, как *бянки* 'вилы', *ёлс* 'леший, черт', *кандёхать* 'работать', *колема* 'болезнь', *мерекать* 'говорить', *тохториться* 'стараться, хотеть' и др. Особую похвалу заслуживает автор за причисление *околеть* литературного рус-

ского языка к мерянским словам. Сомнение вызывает связь предполагаемого звукоподражательного *анка* 'галка' (с. 133) с примерами из других финно-угорских языков. В мер. *ирта 'белка' (с. 180) подразумевается развитие суффикса *-та* из **-ра* (> *ва*). Возможно, однако, что в мерянском языке к корню присоединился не *-ра*, а *-та*, ибо в данном случае встречается и приращение суффикса *-ја* (ср. эст. *oraja*, а также финно-угорские несуффиксальные формы). Под влиянием работы Б. А. Серебrenникова автор восстанавливает в географических названиях мер. *palo в значении 'деревня' (с. 62, 184). Судя по широкому распространению *-бал*, *-бол* в речных названиях, вероятнее, по крайней мере во многих случаях какой-то природный термин (по Ф. И. Гордееву, ф.-у. 'долина'). При рассмотрении того или иного мерянского слова О. Б. Ткаченко напрасно каждый раз приводит всевозможные параллели из родственных языков. Это увеличивает объем книги, причем обзорность уменьшается, к тому же указатели отсутствуют. Целесообразнее было бы лексико-этимологическим анализом ограничиться в главе о лексике, а в остальных случаях ссылаться на нее.

В заключении автор обосновывает важность дальнейшего изучения мерянского языка и отмечает неотложные задачи, стоящие перед мерянистикой. Будем вместе с ним надеяться, что письменные памятники этого языка отыщутся.

В книге приведены тексты мерянского языка (три фразы), условные сокращения и список литературы. К сожалению, в последнем отсутствуют два тома этимологического словаря марийского языка (автор Ф. И. Гордеев), содержащие мерянский материал, в частности топонимия.

В заключение следует сказать, что замечания и дополнения рецензента, касающиеся в основном интерпретации отдельных элементов и слов мерянского языка, ничуть не умаляют большой ценности результатов, обобщений и выводов монографии О. Б. Ткаченко. В целом она представляет собой чрезвычайное явление в советской лингвистике, будучи заметным этапом в развитии мерянистики и существенным справочником при изучении финно-угорских языков, русского языка, вопросов общего языкознания.

ЭНН ЭРНИТС (Тарту)